

ГЛАВА 1

Пекин, 12 октября 1860 года

Во втором дворе Ламаистского храма¹ репортер Джон Боулз обратил внимание на маленькую женскую фигурку из камня, глаза, губы и соски которой были декорированы золотом и кинноварью.

Он взял ее в руки и нежно провел кончиками пальцев по обнаженному телу, дьявольски соблазнительному, выставляющему напоказ впечатляющие изгибы и выпуклости. Похоже, создатель статуэтки был настоящим волшебником, настолько женщина выглядела реальной, а камень, из которого ее вырезали, казалось, излучал тепло. На мгновение Боулзу почудилось, что лежащая на ладони фигурка подмигнула ему...

Он подивился легкости, с которой поддался собственным фантазиям, и улыбнулся.

После нескольких напряженных недель ему, живой легенде журналистики, просто необходимо было расслабиться.

Боулз привык к опасным авантюрам.

Тайные расследования в глубоких провинциях Китая, проникновение в секретные общества, знакомство с бесчисленными жертвами опиума, с участниками восстаний, подрывавших влияние центральной власти, — все его материалы многократно цитировались и пересказывались в ведущих англо-саксонских газетах. Но для того, чтобы добыть эти сведения, Боулзу требовалось огромное мужество, в котором едва ли кто-то сомневался после его пленения японскими пиратами в Китайском

---

¹ Дворец Юнлэгун (Ламаистский храм), изначально служивший императорской резиденцией, впоследствии стал буддийским монастырем. — *Здесь и далее примеч. пер.*

море. Случилось оно в 1855 году и до сих пор оставалось в памяти как читателей, так и коллег-журналистов.

Китайское военное судно, на борту которого находился тогда Боулз, собиравшийся написать репортаж о маньчжурских морях, было захвачено и разграблено пиратами. Налетчики перерезали весь экипаж, оставив в живых единственного иностранца. Его отвезли на остров Танэгасима, где репортер провел в плену почти пять лет, пока не представился случай бежать, оглушив какого-то рыбака и украв его лодку. Десять дней в море, в окружении акул, под немилосердным солнцем, едва не погубили его. Спасло Боулза чудо: его, совершенно обезвоженного и обгоревшего, обнаружил направлявшийся в порты Токио и Шанхая голландский пароход.

Пока Боулз оставался в плену, глава пиратов тщетно вел переговоры о выкупе за англичанина, но британские власти упорно отказывались поддаваться шантажу.

Триумфально вернувшись в Шанхай, Боулз за пару месяцев набрал потерянные на японском острове двадцать килограммов и вновь обрел привычную олимпийскую форму. Вскоре он со страстью взялся за прежнюю работу и первым делом написал статью о своем пленении, молниеносно разлетевшуюся по всему миру.

— Из какого камня сделана эта статуэтка? — поинтересовался Боулз у сержанта, который охранял драгоценные предметы и напоминал флибустьера возле горы сокровищ.

— Из лунного. Как и все предметы такого типа в императорском дворце.

Парень явно разбирался в том, что ему доверили сторожить.

— Превосходная работа... достойна лучших мастеров Королевской академии, — пробормотал журналист, продолжая рассматривать фигурку на ладони.

— Ее изготовили с определенной целью. Наложницы показывали на статуэтке, где у них болит, чтобы врач мог поставить

диагноз, не раздевая их. Китайские императоры ужасно ревнивы!

— Понятно.

Несмотря на грубоватый облик и рыжие бакенбарды, почти сливающиеся по цвету с лицом любителя виски, сержант и вправду оказался знатоком обычаев Поднебесной.

— Знаете ли, иные властители Китая без колебаний отрубали голову врачам, пожелавшим осмотреть тело той или иной фаворитки, — продолжал сержант спокойным тоном, словно речь шла о чем-то совершенно нормальном и заурядном.

— Она прекрасна... — Боулз осторожно провел пальцем по стройным ногам фигурки из лунного камня.

— Я мог бы вам устроить хорошие условия на аукционе, если пожелаете, — заметил сержант с многозначительным видом.

Боулз решил не продолжать разговор. У него было не слишком много денег, да и те следовало побереечь, если хотел осуществить задуманное. С сожалением он вернул статуэтку на длинный стол, покрытый войлоком и заставленный разнообразными сокровищами, предназначенными для аукциона.

Через четверть часа торги начались, и Джон Боулз нетерпеливо заерзал на раскладном стуле. Вокруг собралось немало других покупателей. Спустя пару часов, когда «диагностическая» статуэтка стала предметом жаркого торга между военными, отпускавшими недвусмысленные комментарии, атмосфера во дворе Ламаистского храма накалилась, а цены заметно взлетели. Десятки военных в драповых шинелях отчаянно торговались, разгорячившись как черти. Очередной лот достиг ошеломляющей ставки в несколько тысяч долларов. Это были два золотых льва, покрытых бронзовой патиной, — такая традиция, установленная маньчжурскими императорами, позволяла уберечь ценность от слишком жадных придворных, которые, увы, стали настоящей бедой при китайском дворе.

Наконец появился предмет, ради которого Боулз участвовал в торгах.

Сержант, которого сам генерал Грант, командующий британскими войсками, назначил ответственным за проведение аукциона и распродажу сокровищ Летнего дворца, объявил:

— Десять фунтов стерлингов за эту шкатулку из серебряной филигрании! Десять фунтов! Ни фунтом меньше! Торги начинаются. Десять фунтов... Кто даст больше?

Боулз поднял руку — один раз, другой, потом еще и еще. Ему нужна была эта шкатулка. Цена росла, в состязание включилось несколько человек. Мало-помалу они сходили с дистанции, и наконец сержант сообщил:

— Тридцать пять фунтов! Тридцать пять фунтов за изящную серебряную шкатулку тонкой работы, принадлежавшую лично императору Даогуану!

К этому моменту осталось лишь два претендента: Боулз и шотландский артиллерист, опирающийся на огромный бронзовый сосуд-трипод.

На сорока фунтах артиллерист заколебался. Наступал ключевой момент. Боулз мгновение помедлил и в последний раз поднял руку.

— Сорок пять фунтов! Сорок пять фунтов стерлингов! Кто даст больше? Никто? Она ваша! Уходит за сорок пять фунтов! — заключил сержант и ударил по столу молоточком из слоновой кости, отметив окончание торгов за этот лот.

Джон Боулз был счастлив, как дитя. Его даже не огорчил финальный скачок в пять фунтов уже после того, как он фактически остался единственным претендентом. Чтобы заполучить эту вещь, репортер был готов торговаться до шестидесяти фунтов.

Как и прочие сокровища, уходившие сегодня с торгов, шкатулка входила в собрание Юаньминьюаня — «Садов совершенной ясности», или Летнего дворца китайских императоров,

ставшего объектом варварского разрушения и разграбления британскими и французскими войсками.

В Китае словом «сады» традиционно называли императорские дворцы, размещенные посреди тщательно обустроенных парков с прекрасными деревьями и растениями редких пород. Рукотворный пейзаж выглядел даже более естественным, чем создание природы: то тут, то там открывались удивительные перспективы, имитирующие вид на море или озеро. Искусственные реки и водопады, скалы и ущелья, горы, травянистые равнины и каменистые пустыни — все обретало совершенную форму, в которой трудно было уловить вмешательство человеческого гения.

Летний дворец на окраине Пекина служил загородной резиденцией для китайских императоров, как Версаль для французских королей. Однако без любимого детища «короля-солнца», Людовика XIV, с которым соперничал китайский император Канси, «Сады совершенной ясности» не были бы построены.

В XVII и XVIII веках «три великих императора»² пожела-ли превзойти Версаль и возвели сорок роскошных павильонов с крытыми галереями между ними. Там Сыны Неба могли наслаждаться отдыхом и принимать многочисленные иностранные посольства, прибывавшие в Пекин.

Шкатулка, которую купил Джон, и в самом деле происходила из Летнего дворца. Ее ценность определялась тем, что ранее она принадлежала императору Даогуану — об этом свидетельствовали шесть иероглифов архаичного начертания, личное клеймо правителя, украшающее крышку ларца. До покупки Джону, заметившему шкатулку с первого дня торгов, разрешалось лишь потрогать ее, но не открывать. Сержант сразу предупредил, что ключ будет выдан лишь тому, кто приобретет вещь на аукционе. И теперь Боулз мог на это рассчитывать,

---

² Так называют императоров эпохи Цин, правивших один за другим: Канси (1654–1722), Юнчжэна (1677–1736) и Цяньлуна (1711–1799).

хотя не было сомнений, что солдаты, грабившие дворец, успели заглянуть внутрь.

И все же Джон верил, что драгоценное содержимое не пропало. Он слегка потряс ларец и услышал шорох внутри. Этот звук, словно прекрасная мелодия, наполнил его сердце: оставался небольшой шанс, что печати Даогуана все еще внутри. В таком случае Боулз выиграл джекпот.

Репортер испытывал торжество и трепет, словно охотник, уже загнавший добычу и готовый вот-вот схватить ее. Он с нетерпением ждал, когда ему передадут ключ, и был готов буквально выхватить его из рук сержанта.

И вот шкатулка открыта. Всё на месте!

Словно яйца в гнезде, четыре нефритовые печати лежали в выстланных шелком ячейках внутри шкатулки.

Как и положено, две круглые и две квадратные; каждая форма в двух вариантах, большом и малом. С колотящимся сердцем Джон осмотрел шесть иероглифов на каждой печати. Все верно — личное клеймо Даогуана. Боулз с трудом сдержал возглас радости, впрочем неуместный в этом оскверненном британскими войсками, но все еще священном месте, где ламы преклоняли колени перед непроницаемыми ликами каменных статуй, где все еще царил культ Будды...

Джон ограничился тем, что на мгновение прикрыл глаза и возблагодарил судьбу. После этого он потихоньку покинул торги, скользнув за алтарь, посвященный богине Гуаньинь — милостивой бодхисатве, готовой служить посредницей между людьми и самим Буддой, достигшим просветления.

Наступил момент истины.

Преодолевая волнение, он расправил на полу лист с каллиграфически написанным текстом, достал из шкатулки малую круглую печать и убедился, что она полностью совпадает с отпечатком на документе. Наконец-то круг замкнулся!

Итак, с помощью бесценной шкатулки — размером не больше обувной коробки, — в которой Сын Неба держал печати,

заменявшие личную подпись, Джон Боулз завершил последнюю проверку, убедившись в истинности невероятной истории, на протяжении нескольких лет остававшейся для него загадкой.

Словно тигр, насытившийся кровавой добычей, он присел у алтаря и задумался. В его руках была настоящая информационная бомба. С первого дня пленения на Танэгасиме он мечтал об этом моменте — моменте, когда сможет заполучить сенсацию. Журналистская одержимость подобна безумию, но именно она дала репортеру силы вырваться с проклятого острова. Однако он обладал выдержкой и умением ждать: сначала требовалось найти шкатулку с печатями. Ему нужны были неопровержимые доказательства.

Теперь никто не посмеет оспорить его заявление.

Впрочем, не только азарт журналиста подстегивал Боулза: он жаждал истины и справедливости.

Ему удалось не просто распутать загадку, но и выявить преступные действия, и теперь он сможет оказать воздействие, по крайней мере, на западную читающую публику и даже повлиять на государственную политику Франции и Великобритании — двух самых могущественных держав, вовлеченных в события.

Начиная с 1847 года, когда ему в руки попали первые свидетельства этой истории, и вплоть до сего дня, когда он готовился закрыть ее последнюю страницу, прошло тринадцать лет. Не так уж много в сравнении с целой человеческой жизнью, и все же Боулзу казалось, что миновала вечность.

За эти тринадцать бурных лет Срединное государство пало под ударами англо-французского топора и было разорвано в клочья в ходе опиумной войны³. Дело обернулось к выгоде западных стран, когда-то позаимствовавших у Китая секрет

---

³ Имеется в виду Вторая опиумная война (1856–1860).

пороха, а теперь с помощью заряженных им пушек жестоким и эффективным огнем сломивших сопротивление его изобретателей. В ходе переговоров в Кантоне, а затем в Шанхае в 1857 году победители шаг за шагом добивались от маньчжурского правительства уступок. В июне 1858-го в большой портовый город Тяньцзинь вошли экспедиционные корпуса, направленные королевой Викторией и императором Франции Наполеоном III. Оттуда по каналу они за два дня достигли Пекина и открыли артиллерийский огонь.

Взяв за горло императора Сяньфэна, захватчики вынудили его подписать Тяньцзиньские трактаты — серию унижительных договоров, превративших Китай в колонию Запада. Китайское правительство не могло протестовать открыто, но предпочитало манкировать условиями договоров, затягивало дела, уклонялось от исполнения условий, следуя старому правилу: «Никогда не говори “нет”... пока мы не скажем “да”».

Тяньцзиньские соглашения по сути оказались блокированными, и когда представители Франции и Англии на нескольких судах направились в Пекин для их ратификации, европейцев встретили обновленные укрепления Дагу, прикрывающие портовый город Тяньцзинь и вход в реку Хэйхэ. И 25 июня 1859 года, к изумлению европейского командования, китайские батареи открыли огонь, повредив флагманский корабль «Зуёк» и ранив в голову и ноги британского командующего Джеймса Хоупа Гранта. Он был вынужден перебраться на канонерское судно «Опоссум». Лишь с большим трудом европейские корабли выбрались из-под огня китайской артиллерии.

Вскоре, 5 июля, маньчжурское правительство провозгласило «изгнание французских и английских варваров», после чего те сочли единственным выходом двинуться на Пекин и прижать Сына Неба к стенке.

Во главе новой кампании встали два ветерана: лорд Элгин — бывший губернатор Ямайки и Канады, шотландский аристократ с железным характером, обладающий изрядной

заносчивостью, и француз барон Гросс — более мягкий по нраву опытный дипломат, пользующийся личным доверием Наполеона III.

Новая «непобедимая армада», составленная из флотов Великобритании и Франции, была укомплектована свежими войсками и бывальыми частями, уже привыкшими к местному климату и неблагоприятным бытовым условиям.

Ранним утром 1 августа 1860 года после долгих сомнений и переговоров около двух тысяч военных под командованием генералов Гранта и Кузен-Монтабана высадились в Бэйтане, рыбацком поселении рядом с Тяньцзинем. Войско сопровождали две сотни кантонских носильщиков-*кули*, которые волокли снаряжение (пушки, осадные лестницы и прочее) отчасти на себе, отчасти на мулах, а также инженерный отряд и подразделение медицинской службы.

Перед штурмом портовых укреплений, прикрывающих дорогу на Пекин, три недели были потрачены на бесконечную возню в грязи под проливным дождем, на стычки между степной кавалерией маньчжуров и конными отрядами сикхов, входивших в британский экспедиционный корпус. Наконец 21–22 августа состоялась решающая битва, по сути резня, и гарнизон крепости Дагу был почти полностью уничтожен.

Тяньцзинь пал. Следующим пунктом на пути был Пекин.

Под свинцово-серым небом, в удушающей жаре начался марш на китайскую столицу. Единичные броски маньчжурских солдат, перемежаемые переговорами о мире с окружением Сяньфэна, и новые стычки кавалерии не могли стать реальной преградой.

Все это время Боулз, ставший непосредственным свидетелем событий и находившийся среди солдат, слал в Британию отчеты о ходе войны. Он делал зарисовки и записи в блокноте, который тщательно оберегал от ненастья в плотном ягдташе из водонепроницаемой, просмоленной ткани. Боулз едва ли думал об эстетическом впечатлении, когда изображал лужи

крови и разбросанные повсюду тела после битвы на мосту Балицяо — элегантной, отделанной мрамором каменной постройке, возведенной над каналом Тунхойхэ в 1650 году, при династии Мин.

После взятия Балицяо отрядами Кузен-Монтабана войска триумфально двинулись на столицу, хоть и не без человеческих потерь, несмотря на явное военное превосходство.

Боулз не мог забыть последние дни англо-французской кампании, вплоть до 5 октября, и особенно одну неделю, каждый день которой стал памятным. Тогда перед ним встали наконец серые кирпичные стены, окружающие столицу, — маньчжурские укрепления. Репортер помнил женщин и детей в лохмотьях, бежавших от иноземных захватчиков, — по мере приближения к Пекину их становилось все больше. Видел нищих, даже не пытавшихся бежать, — они просто жались к деревьям в стороне от дороги, глядя на тех, кто пришел на их землю с Запада. Смотрел на пьяных от дешевого алкоголя из сорго китайских солдат: офицеры поощряли пьянство, полагая, что оно освобождает от страха перед неприятелем. Замечал крыс, падальщиков, появлявшихся внезапно со всех сторон в поисках поживы, следы голода. Ощущал удушающую вонь, тяжелый запах мяса, которое монголы жарили на открытом огне. Глазел на опустевшие дома знати — увы, многие из них были давно заброшены и постепенно разрушались...

Тихое позвякивание шторы из стеклянных бус прервало размышления и воспоминания Джона Боулза. Он быстро спрятал документ в карман плаща и прикрыл драгоценную шкатулку. Потом понял, что звук был вызван ветерком.

— Bravo! Bravo всем! — донесся до него возглас сержанта. — Торги принесли британской короне сто двадцать три тысячи долларов!

Ошеломляющая сумма! И надо учесть, что самые ценные лоты были распроданы гораздо раньше, когда старшие офицеры

позаботились о том, чтобы за бесценно приобрести лучшие сокровища китайских императоров.

Боулз почувствовал, как на плечи ему легла чья-то рука.

Генерал Грант.

У ног генерала, облаченного в алую форму командующего британским экспедиционным корпусом, вертелся Рокетт — пекинес*⁴ со сплюсненной мордочкой и огромными глазами навывкате.

— Надеюсь, чертовы французы признают, что мы все организовали по-честному с этими публичными торгами, — вздохнул генерал Грант, который всегда старался играть по правилам, что Боулз не раз подчеркивал в своих репортажах и зарисовках.

Рядом с генералом стоял симпатичный молодой человек, рано начавший лысеть. Это был вице-консул Томас Уэйд*.

Выдающийся китаист, Уэйд служил переводчиком при лорде Элгине, полномочном после Великобритании, и выполнял те же функции при британском командующем.

— У французов не принято кому-то воздавать должное. Вы бы видели их солдат, бесстыдно сгружающих на корабли награбленное! Это просто ужасно! — печально вздохнул Уэйд.

— Вы считаете, что я должен заявить резкий протест моему коллеге Кузен-Монтабану?

— Слухи о ваших ссорах уже вышли за пределы экспедиционной палатки, мой генерал. Разграбление Летнего дворца не прошло незамеченным, — отреагировал переводчик с некоторым смущением.

Шестого октября, при полном отсутствии власти, Пекин, окруженный неприступными стенами, отказался капитулировать, и войска союзников приняли решение наступать на «китайский Версаль», расположенный в дюжине километров от столицы. Как обычно, разгорелись споры, кому идти

---

⁴ Здесь и далее звездочками отмечены затекстовые примечания автора.

первым, поэтому Грант и Кузен-Монтабан приняли решение вступить в Юаньминъюань одновременно, однако каждый надеялся оказаться там раньше партнера и соперника.

В тот роковой день представители Запада разграбили одно из настоящих чудес света. Стояла жара, и Боулз, который сопровождал британские войска, вынужден был бессильно наблюдать за происходящим. Солдаты потребовали спиртное, и люди Гранта, мрачные и раздраженные, не были обделены выпивкой, которую генерал постарался распределить равномерно. С наступлением ночи стало известно, что французы уже у ворот Летнего дворца, к югу от главного входа.

На следующее утро, пока британцы были заняты трудностями логистики, Кузен-Монтабан приказал своим отрядам штурмовать ворота летней резиденции Сына Неба. Путь им преграждала лишь горстка евнухов.

Начался погром — торопливый и жадный. Солдаты, подогретые для храбрости коньяком, торопились захватить добычу. Все, что находилось во дворце, — собрание древних произведений искусства, подарки иностранных держав, в том числе часы, присланные английским королем, гобелены, доставленные от имени французского короля Людовика XVI, зеркала из богемского стекла от правителя Пруссии, бесчисленные предметы из золота и серебра, нефритовые, порфиновые и яшмовые вазы, бронзовые курильницы, шахматы из слоновой кости, фарфоровые сосуды из императорских коллекций — все стало предметом разграбления.

Боулз видел, как разгневанный Грант в конце концов позволил и своим войскам принять участие в разгроме. Стал корреспондент и свидетелем стычки между Грантом и Кузен-Монтабаном, а также обмена далеко не парламентскими выражениями.

К счастью для французского командующего, главные драгоценности — императорские украшения* и слитки золота, обнаруженные его людьми во втором дворе, в павильоне

императрицы, — были найдены до появления генерала Гранта, так что Кузен-Монтабану удалось припрятать их, избежав скандала.

Проходя быстрым шагом по разоренным залам императорских павильонов, Грант яростно ругал французского союзника, который вяло протестовал.

— Ваши солдаты настоящие варвары, просто дикари! — рокотал британец, когда командующие нос к носу столкнулись с французским артиллеристом, тащившим целый ворох одежд китайского императора.

Другой солдат держал в руке чашу из желтого фарфора — одну из десяти, что были изготовлены специально для императора. Теперь француз пил из нее коньяк. Грант ощутил шок от контраста между изысканным сосудом, редким полупрозрачным шедевром мастерских Цзиндэчжэня, и вульгарностью грабителя, осмелившегося завладеть сокровищем.

— Отвратительно! Чертовы букмекеры из хлопковой гильдии Кантона, выделившие от десяти до пятидесяти тысяч долларов на снаряжение наших войск, не просчитались. За счет этого грабежа и перепродажи товаров они получают трехкратную прибыль! — бросил разгневанный британец.

— Я удручен. Вопреки моим приказам, люди просто потеряли голову. Младшие офицеры полагали, что существует неписаное правило, согласно которому солдаты могут рассчитывать на трофеи.

— Местные тоже не теряют времени даром, — добавил полковник Бенцман, один из наиболее ценных адъютантов французского командующего. Он намекал на то, что обитатели окрестных деревень воспользовались вторжением чужеземцев, чтобы пробраться на территорию Летнего дворца и прибрать к рукам то, что удастся незаметно унести.

Ошеломленный Боулз заметил группу *кули*, мелькнувших в глубине двора и скрывшихся в залитом солнечным светом

коридоре. В руках у них были корзины со свитками шелка, вероятно захваченного в гардеробе императрицы. Боулз стоял за спинами военачальников и оглядывался: повсюду разбитая в щепки мебель, разбросанные по полу недостаточно ценные предметы. Издалека доносились возгласы и взрывы смеха.

— Согласно нашим правилам, военная добыча остается в распоряжении командования и представителей британской короны, которые могут по справедливости распределить ее между участниками баталии. Так повелось со времени короля Генриха Четвертого. — Грант мрачно разглядывал роскошный красный лаковый кабинет, разгромленный вандалами; на полу валялись обломки резных створок с золочеными фигурами фениксов.

— Предлагаю создать объединенную комиссию по распределению трофеев, — торопливо отозвался Кузен-Монтабан.

— Для этого вы должны принудить своих людей сдать награбленное в ваше распоряжение! Все, что они отсюда забрали, — отрезал Грант.

— Только не говорите, что ваши солдаты ничего не взяли и вообще вели себя как девочки из монастырского хора! — раздраженно ответил француз.

— Любой из моих людей, присвоивший что-либо без разрешения командования, обязан будет сдать трофеи для последующей продажи с аукциона, — заявил Грант.

Кузен-Монтабану ничего не оставалось, как согласиться с требованиями британца, и в большом зале для аудиенций, перед разбитым лаковым кабинетом китайского императора, на свет явилась объединенная комиссия по распределению трофеев. Алые драконы, переплетенные друг с другом хвостами, молча наблюдали за происходящим.

Каменная ограда внутреннего двора представляла собой грудку обломков, но именно здесь решено было устроить склад

и торги. После чего началось систематическое изъятие награбленного и учет лотов.

«И вправду удивительная история, — подумал Джон Боулз, крепче прижимая к боку серебряную шкатулку императора Даогуана. — И былая красота этого места, и масштаб разрушений поразительны».

Нет, такое не должно быть забыто. В этом журналист не сомневался.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖЕМЧУЖНАЯ РЕКА

ГЛАВА 2

*Кантон и Санкт-Петербург,
10 марта 1844 года, 8 часов утра*

Словно мстительный и неумолимый бог, насытившийся варварством людей, свинцовое солнце внезапно явилось в окрестностях Кантона. Оно пробило плотный покров облаков, затянувших небо еще с ночи и поливавших потоками дождя грязную почву, и ярко вспыхнуло бесчисленными отражениями в лужах.

Теперь, когда суровое светило смогло лицезреть творившееся на земле, перед ним предстала картина ужасающей казни.

Чудовищный ритуал совершался у зубчатой стены, окружающей дворец наместника, сложенный из тщательно подогнанных друг к другу камней. Ее возвели тысячи рабов из числа военнопленных, отдавших строительству последние силы.

Казнь происходила рядом с северными воротами, выходящими к Жемчужной реке. Вокруг собралась оживленная толпа, одетая в жалкие лохмотья. Раз в неделю вместо обычного бурления жизни, смеха и ругани, здесь воцарялась гробовая тишина: каждый жаждал испытать ужас от предстоящего зрелища.